

КАТЯ ЛУАРСКАЯ

ПЛЕННИЦА
жених
МСТИТЕЛЯ

18+

Катя Луарская

Пленница тёмного мстителя

«Автор»

2026

Луарская К.

Пленница тёмного мстителя / К. Луарская — «Автор», 2026

Решив устроить мужу сюрприз на день рождения, я вернулась домой, не предупредив. И сама получила сюрприз: застала его с любовницей. А на следующий день меня похитила банда заговорщиков, внушающих ужас всей стране. Я очнулась в незнакомом доме, и таинственный хозяин в маске уверил, что я гостя, а не пленница. Дом окружён болотами, полными страшных существ, и мне не сбежать оттуда. Но быть жертвой чужих интриг я не намерена.

© Луарская К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Катя Луарская

Пленница тёмного мстителя

Глава 1

Я проследила за очередной каплей, стекающей по стеклу. На улицах уже зажглись фонари. Осень, темнеет раньше, да ещё и ливень. Я прижалась носом к окну экипажа. Мы уже въехали на нашу улицу. Вот я и дома, наконец. Не то чтобы мне не нравится проводить тёплое время года в поместье, но домом я всё равно считаю наш особняк в Лайерте. Вернее, не наш, конечно. Дом принадлежал моему мужу ещё до брака со мной. Муж...

На губах будто сама собой расплзлась улыбка. Совсем скоро я увижу Рэмона. То-то он удивится, ведь ждёт меня только в пятницу. Но день рождения у него сегодня, и я решила сделать сюрприз: вернуться из поместья раньше. Мы женаты шестой год, но я по-прежнему стараюсь делать всё, чтобы его радовать.

Я осторожно поёрзала на мягком сиденье. Карета удобная, но всё-таки мы в дороге с семи утра, и пусть делали остановки, но я бы сейчас охотно прилегла подремать. Вон Плисса проспала почти всю дорогу.

Экипаж слегка замедлился: мы подъехали к ограде особняка. Служанка вскинула голову и завертелась. Кудряшки выбились из-под чепца, взгляд ещё не совсем осмысленный.

— Ой, уже приехали? А я проспала всё, да, госпожа Сэлма? Ох, простите меня, дурную...
— Она тяжело вздохнула и заискивающе улыбнулась. — Сборы эти, сборы... потом дорога. Умаялась немного.

Я с притворным сочувствием кивнула.

— Ну подремала и подремала, разве я против?

Она сложила ладони перед собой и склонила голову.

— Вы так добры ко мне, госпожа Сэлма!

Я хмыкнула. Конечно, госпоже не пристало знать, что у её служанки в поместье случился страстный роман с новым конюхом. И что она все ночи напролёт пропадала с ним. А на её шее красуется плоховато замазанный след его страсти, сейчас, конечно, скрытый за воротником платья. Но утром, когда на ней был лёгкий сарафан, я всё видела. Я поспешно отвела глаза, чтобы не покраснеть. Кто знает, не сделает ли то же самое Рэмон сегодня ночью и на моей шее.

Карета въехала во двор и остановилась. Плисса спешно одёргивала подол и пыталась засунуть волосы под чепец. А у меня внутри что-то вдруг задрожало. Не то радость, не то лёгкая тревога. Ведь нам и правда предстоит ночь вдвоём... Мне всегда немного не по себе от этих мыслей.

Дверца распахнулась, и в карету просунулась голова Пьёля. Лицо как всегда невозмутимое, но я знаю, что он недоволен моей затеей. Он уже раскрыл зонт.

— Приехали, госпожа Каррас. — Он протянул мне свободную руку. — Только ливень такой, что вы ноги промочите. Может, вам галоши из дома принести?

Я рассмеялась. Экипаж стоит прямо возле крыльца.

— Ну какие галоши, Пьель! Дойду два шага и в туфлях, не развалюсь.

— Как скажете, госпожа. — Пьель покосился на мои замшевые туфельки с явным сомнением.

Я оперлась на его затянутую в перчатку руку и вышла под дождь. Меня тут же пронзило порывом холодного осеннего ветра, несколько острых капель залилось под зонт, и я вздрогнула. А ведь могла бы сообразить, уже не лето... Пьель опустил зонт ниже, подставил мне локоть и

повёл к крыльцу. Я съёжилась под порывами ветра и наступила в лужу. Однако постаралась ничем не выдать досаду. А Пьель всё-таки еле слышно цокнул языком.

Он — мой личный охранник, на котором сразу после свадьбы настоял Рэмон. «У меня полно врагов из тех, кого я помог упрятать за решётку. Далеко не всех — на пожизненное. Да и убийца твоего отца уже не на каторге, так что лучше проявить осмотрительность», — заявил он тогда. И приставил ко мне Пьеля и ещё трёх охранников. Они иногда меняются, а вот Пьель так и остаётся со мной. На людях изображает обычного лакея, но при нём всегда пистолет и ножи, с которыми он управляет очень мастерски. А сейчас появились эти ужасные «Освободители», и Рэмон стал ещё бдительнее.

Пьель исполняет свою работу старательно, иногда даже слишком. И именно поэтому об отъезде я сообщила ему буквально сегодня утром: чтобы магическая депеша не успела долететь до Лайерта, и сюрприз удался.

Мы только начали подниматься по ступеням, как дверь уже распахнулась. Значит, нас заметили. В дверях возник Хорн. Увидел меня, и по его лицу будто пробежала тень. Однако он тут же совладал с собой и поклонился.

— Добрый вечер, госпожа Каррас. Рад видеть вас в добром здравии. Вы бы предупредили, что приедете раньше. У нас и не готово ничего в вашу честь. Ужин вот-вот подадут, но он совсем не торжественный.

Я слегка наклонила голову и улыбнулась дворецкому.

— Добрый вечер, Хорн. Я нарочно не предупреждала. Хотела сделать сюрприз супругу. Он не говорил, когда сегодня вернётся со службы?

Хорн бережно снял с меня дорожный плащ.

— Э... кхм... Вообще-то, он уже вернулся. — Голос дворецкого прозвучал как-то тоненько. — Но сидит в кабинете и просил его не беспокоить.

Я вскинула брови. Ну надо же! Обычно у начальника следственного отдела нет даже нормальных выходных. Когда я живу в столице, вижу Рэмона только поздними вечерами. И в поместье он навещает меня нечасто. И даже день своего рождения он проводит на службе. Но, может, он наконец решил вспомнить о том, что человеку иногда нужно отдыхать? В конце концов, уже семь вечера. Что ж, значит, прямо сейчас его и поздравлю.

— Благодарю, Хорн. — Я направилась к лестнице.

— Госпожа, только, прошу, не беспокойте господина. Он очень настоятельно просил...

— Не волнуйтесь. Я скажу, что вы меня предупредили, а я не послушалась.

Ну не будет же он сердиться в такой день. Хорн издал тяжёлый вздох, даже не пытаясь его скрыть. Он всегда ревностно оберегает покой хозяина даже от меня. В холл уже начали заносить мой багаж, раздался голос Плиссy:

— О, Хорн, а вы всё такой же суровый! Хотя что-то в этой жизни не меняется. — Она хихикнула.

— Ты, девчонка, язык-то попридержи, — проворчал Хорн. — С вами, прохвостами, иначе нельзя.

Он, наверное, думает, что я их уже не слышу: сразу растерял всю чопорность. Я посмотрела себе под ноги. Ну вот, оставляю на ковровой дорожке, которой устлана лестница, мокрые следы. Аретта будет недовольна.

Может, стоило бы зайти к себе и переодеться? Но уж очень не хочется звать Плиссy, тратить время. В конце концов, переодеться всё равно придётся, да и ванну бы принять не помешало после целого дня в дороге. Я вошла в полутёмный холл второго этажа и свернула в боковой коридор. Кабинет Рэмона — смежный с нашей спальней. Мы всё ещё спим в одной постели. Наверное, когда я наконец забеременею, буду спать отдельно. А пока я каждый вечер прихожу сюда и ухожу утром, когда муж уже на службе.

Я остановилась перед дверью кабинета. Постучать? Или войти прямо так? Рэмон никогда не запирается: ему достаточно сказать, чтобы его не беспокоили, и никому в голову не придёт заходить. Я тоже не захожу, но ведь сегодня не обычный день. Я вздохнула. Неожиданно в живот осела тяжесть. Муж меня не ждёт. Вдруг не обрадуется сюрпризу? Он слишком любит порядок во всём. Если сказано, что я приеду в пятницу к вечеру, значит, должна приехать в пятницу, а не во вторник. Да и к своему дню рождения он равнодушен. Может, не стоило устраивать сюрпризы?

Я снова вздохнула. Я всё равно уже здесь. Стою перед кабинетом, и точно не поеду прямо сейчас обратно, потому что передумала. И с чего вдруг оробела? Это же мой Рэмон. Даже если поворчит, то не всерьёз. Я толкнула дверь и сделала шаг в комнату. В кабинете темно, его освещают только уличные фонари. Дверь, ведущая в спальню, приоткрыта, и оттуда слышна какая-то возня.

— Ещё, пожалуйста, ещё, — раздался женский голос.

Ноги мгновенно стали ватными, руки похолодели. Всемиловитые боги! Что это? Рэмон не один? Я с трудом преодолела расстояние до двери и замерла. Громкий женский стон снова врезался в уши, и родной голос произнёс:

— Так, моя девочка?

— О, да...

К горлу подкатил тошнотворный ком. А может, мне показалось, и голос принадлежит не Рэмону? Но кто, кроме него, может быть в нашей спальне? Я сделала ещё шаг и слегка приоткрыла дверь. В комнате горит магический светильник. Он всегда горит в моменты близости: Рэмон терпеть не может заниматься любовью в темноте. Из моего укрытия хорошо видна наша кровать.

На ней стоит на четвереньках совершенно обнажённая девица, а сзади пристроился мой муж. Сжимает её бёдра и с хриплыми стонами вколачивается снова и снова. Мерзкие шлепки разносятся, кажется, не только по спальне, а по всему дому... На девице позвякивают какие-то украшения, светлые волосы распущены, она бесстыдно прогибается в такт движениям Рэмона, и круглая, упругая грудь смешно трясётся.

Я зажала рот ладонью. Нет, не может это всё быть правдой! Это же сцена из бульварного романа из тех, что продают на стоянках дилижансов и постоянных дворах.

Девица снова издала стон.

— Не так скоро, сладкая, — прохрипел Рэмон. — Не так скоро...

Я, как загипнотизированная, не могла оторвать взгляд от этой развратной и жуткой картины. Совершенно нереальной. Я никогда не позволяла себе отдаваться так... свободно. Кто эта женщина? Служительница борделя?

Рэмон между тем остановился и распластался на кровати.

— Сверху, — властно приказал он, и девица начала послушно седлать его бёдра. Я так и осталась стоять, не в силах пошевелиться. Надо уйти. Тихо отступить, выйти через дверь кабинета... Но спальню вдруг огласил визг. Я вздрогнула и встретилась взглядом с ошалелым взглядом развратной девицы, так и застывшей верхом на моём муже. А она миловидная: большие глаза, пухлые губы, румянец на щеках делает её хорошенькой.

— Ты чего? — всё тем же хриплым голосом спросил Рэмон.

— Там... — пролепетала девица и ткнула пальцем в мою сторону.

Рэмон повернулся и тоже увидел меня. По его лицу скользнула тень. Он рывком сел на постели. Девица скатилась с него и спряталась за кровать. Думает, я вцеплюсь ей в волосы?

— Что ты тут делаешь? — Он посмотрел на меня так сурово, будто за изменой застукал меня.

Я зажмурилась и пролепетала:

— Я решила... Вот... приехала пораньше, чтобы сделать сюрприз. Поздравить тебя...

Надо развернуться и уйти, но ноги будто приросли к полу.

— Что ж, сюрприз, полагаю, удался? — Рэмон вскинул брови. Вид у него невозмутимый. Он даже не попытался прикрыть наготу. И только потемневший взгляд говорит о том, что он на самом деле в ярости.

— Я... наверное... пойду. — Голос сорвался на писк.

— Неплохая мысль. Иди к себе, поговорим позже. — Он глянул в ту сторону, где за кроватью сидит его девица. — Я пока тут разберусь.

Я наконец отмерла. Схватила ослабевшей рукой за косяк, развернулась и на ватных ногах побрела через кабинет. За спиной слышала:

— Да вылезай уже, хватит ломать комедию. Сэлма не из тех, кто станет выцарапывать сопернице глаза. — И Рэмон хохотнул.

— Что же ты теперь будешь делать? — В голосе блондинки слышится вина.

— Не твоего ума дело. Разберусь.

Я добрела до двери и вышла в коридор. Слава всемилостивым богам, он пуст. Надеюсь, никого не встречу по пути в комнату, благо, она тут же, неподалёку... В голове туман, стук сердца отдаётся в ушах. Каждый шаг даётся с трудом: ноги словно вязнут в ковре, устилающем коридор. Интересно, закончат ли они начатое? Или у мужа всё-таки есть хоть капля совести, и он выводит эту девицу? Судя по тому, как он с ней разговаривает, она здесь далеко не впервые. Где-то внизу раздался грохот и строгий голос Хорна. Я рвано вздохнула.

А ведь слуги знают, что господин изменяет жене. И наверняка это не первый раз. Пока я живу в поместье, Рэмон волен делать всё, что хочет. Я остановилась у двери в свою комнату. Прислушалась: вроде бы тихо. Надеюсь, Плисса верна себе и не кинется сразу же переносить мой багаж в комнату. Выпьет травяного чая в кухне вместе с другой прислугой...

Я толкнула дверь и вошла. В комнате, конечно, чисто. Но душно и как-то неуютно. Особенно теперь, когда я знаю такое... Я подошла к окну. Оно выходит в сад, а значит, я не увижу, как уходит девица. И когда. Я обхватила себя руками за плечи. Успевшие намочнуть платье теперь неприятно липнет к коже.

Как жить дальше в этом доме, под одной крышей с человеком, растоптавшим мои лучшие чувства? Рэмон всегда был ко мне добр. Или снисходителен, но какая разница? Помогал, когда убили отца, оплатил его долги, чему маменька была очень рада. А когда я стала совершеннолетней, сразу же позвал замуж. И я, конечно, уже не могла отказаться: оплаченный долг и данное маменькой согласие были гарантией. Но я и не хотела отказываться.

Рэмон мне нравился. Приятный внешне, с тёмными, слегка вьющимися волосами до плеч, всегда гладко выбритый, взгляд серых глаз прямой и честный. Старше меня на десять лет, уже вполне взрослый мужчина, следовательно, стремительно идущей вверх по служебной лестнице. Из уважаемой, знатной семьи. Его отец — главный советник Его величества. Как и старший господин Каррас, друживший с моим отцом, Рэмон спокойный, уравновешенный, надёжный. Так я всегда о нём думала. Выходит, ошибалась?

Он вошёл без стука. Уже полностью одетый, с аккуратно причёсанными волосами и прямой, как обычно, спиной. На лице — ни тени вины или раскаяния. Или хотя бы смущения.

— Готов тебя выслушать, — сообщил он и сел на стул возле письменного стола.

Я замерла в растерянности. Он готов меня выслушать?

— Ты так говоришь, будто это я тебе изменила.

— Боги, Сэлма, о чём ты? — Он возвёл притворно усталый взгляд к потолку. — Разве это измена? Если бы я полюбил другую, если бы она была мне ровней, я бы понял твои претензии. Но Кята — обычная шлюха. — Он ухмыльнулся и откинул упавшую на лоб прядь волос. — Неужели ты настолько не уважаешь себя, чтобы думать, будто я могу испытывать к ней какие-то чувства?

Как легко он рассуждает! Я задохнулась от возмущения.

— Но ведь... ты с ней спишь! Это уже измена.

Он невозмутимо пожал плечами.

— Всего лишь удовлетворение похоти, не более того. С тобой я занимаюсь любовью, а её просто трахаю.

Я поморщилась. При мне он почти никогда не ругается.

— Не морщи свой очаровательный носик. Я сказал, как есть. Ты по полгода живёшь в поместье, у тебя слабое здоровье, а я пока ещё не старый мужчина, и служба у меня непростая. Мне просто нужна разрядка. А заниматься самоудовлетворением в моём возрасте уже как-то не солидно. — И он снова ухмыльнулся.

Мои щёки тут же загорелись: он говорит такие кошмарные вещи, да ещё в своей бесцеремонной манере. Нет, совсем не так я представляла себе наш разговор. Надеюсь, что он скажет, будто это был первый и единственный раз, и он совершил ошибку...

— Но ведь ты сам отправляешь меня в поместье, — пробормотала я.

— Именно так. Потому что столичный климат плохо на тебя влияет. Ты же сама жалуешься на недомогания: то головокружение, то тошнота, то слабость. А в поместье тебе легче.

Я переступила с ноги на ногу.

— Да, но... Я не против жить в столице, не умираю же. И я ведь тебе никогда не отказываю.

— Но и я всё-таки не изверг какой-то. — Он принялся задумчиво рассматривать свои ногти. — Если вижу, что тебе плохо, даже не заикаюсь о близости.

Хотя, когда я дома, мы занимаемся любовью почти каждый день, за исключением тех моментов, когда у меня деликатные женские неприятности. Я нахмурилась.

— И ты думаешь, я просто буду терпеть измены? Ведь в свете уже наверняка обсуждают нас и...

Рэмон тоже нахмурился и перебил:

— В свете! Нашла, о чём переживать. Никто не может знать наверняка. А слухи будут ходить в любом случае. Они ходят вообще обо всех, даже тех, кто под каблуком у жены.

Я шумно вздохнула. Ему вообще всё равно. Он считает себя правым, а меня — глупой истеричной жёнушкой. В висках застучала кровь, и руки сжались в кулаки.

— То есть ты... ты не раскаиваешься? — Голос зазвенел от напряжения. — Даже не обещаешь больше этого не делать?

— Обещаю: то, что ты сегодня видела, больше не повторится.

Я так же шумно выдохнула. Щёки опалило жаром.

— Но ты будешь изменять мне вне дома, так?

— Сэлма, — он устало потёр виски. — Послушай. Ты же сама виновата: не нужно было возвращаться без предупреждения. И дело не только в том, что произошло. С тобой могло что-то случиться, а я бы и знать не знал, что ты не в поместье, не в безопасности. Я переживаю за тебя. Ты же знаешь: ублюдок, убивший твоего отца, душевнобольной. Мало ли, что ему взбредёт в голову. Да и эти самоубийцы из «Освободителей» тоже могут иметь зуб на нашу семью.

Где-то в животе заскреблось неясное чувство вины.

— Со мной была охрана. — Прозвучало неуверенно.

— Охрана не всесильна. И я предпочитаю знать, где ты.

— Чтобы спокойнее было изменять? — Я нервно хихикнула и заправила за ухо выбившуюся из причёски прядь.

Рэмон издал не то стон, не то вздох.

— Я ведь говорю: измена — слишком громкое слово для этого. — Он неопределённо махнул рукой. — Я просто избавился от... напряжения. Всё. Просто кончил не в руку, а в шлюху. Ты же не ревновала бы, застав меня удовлетворяющим себя рукой?

Я опустила голову и сцепила руки на коленях. Уши теперь тоже горят. Не могу слушать, как он спокойно говорит об этом всё... таком ужасном. А ведь раньше он был куда деликатнее.

— Ну вот видишь, — не дождавшись моего ответа, продолжил он. — Так же и все эти шлюхи — всё равно что рука. У них нет для меня ни имени, ни личности. А ты — моя жена, и с тобой меня многое связывает.

«Все эти шлюхи». Сколько же их было? И только ли шлюхи?

— А если я против? — Я подняла на него взгляд. — Если я не хочу делить тебя с безымянными... девушками?

— Можешь и не делить. — Он ухмыльнулся и откинулся на спинку стула. — Как только ты наконец понесёшь и родишь мне наследника, я могу к тебе вовсе не притрагиваться. Разве что сделаю тебе ещё парочку детишек, но пока так далеко можно не загадывать. Надо хоть одного состряпать, раз уж для тебя это такая непосильная задача.

Я с силой сжала пальцы, так что костяшки побелели. Никогда раньше Рэмон не разговаривал со мной так. Грубо, прямо, без привычной снисходительности. Но жгучее чувство стыда за свою женскую несостоятельность всё-таки ударило болезненной волной под дых. Я с трудом заставила себя посмотреть на мужа.

— Я имею право потребовать развод.

Рэмон помрачнел. С его пальцев сорвались искры. Магия плохо слушается его, когда он злится.

— Право-то, может, и имеешь, да только никогда в жизни не сможешь им воспользоваться. Никакого развода ты не получишь, Сэлма. Учти это и запомни. Я не собираюсь порочить репутацию своей семьи разводом. — Он постучал пальцами по столу. — Ты можешь принимать тот факт, что я имею других женщин, можешь не принимать, но ты моя жена, и ею останешься, что бы ни случилось.

— Я могу и вовсе никогда не понести. Зачем же тебе несостоятельная жена?

— Придётся подумать о бастардах. — Он криво ухмыльнулся. — Да шучу я, расслабься. Я уверен, ты обязательно родишь мне наследника. Но даже если нет, развода не будет, Сэлма. Это моё окончательное решение. Ну а уж как тебе с ним примиряться — меня не очень волнует.

— Я не хочу жить с тобой после этого. — Вышло совсем не так уверенно, как хотелось бы.

Рэмон упёрся руками в колени и легко поднялся.

— Я же сказал: родишь — и живи себе дальше за городом. И давай не будем больше это обсуждать. Если хочешь, можешь вернуться в поместье, а с приёмом поможет маменька.

— О, с радостью, — выплюнула я. — Не смогу держать лицо, зная, что все кругом знают о твоих похождениях.

— Я и не заставляю.

Он прошёл к двери и вдруг остановился. Постоял немного, будто раздумывая над чем-то. Развернулся, подошёл к кровати и опустился передо мной на корточки. Взял мои похолодевшие руки в свои и заглянул в глаза почти с нежностью. Так, как не смотрел уже очень давно.

— Сэлма, только прошу, не делай глупостей. Прости, что так вышло сегодня. Я не хотел, чтобы ты видела такое. — Он вздохнул и взъерошил волосы. — Просто помни: я твой муж. Может, далёкий от идеала, но забочусь о тебе, как могу. Обеспечиваю хорошую жизнь, ты ни в чём не нуждаешься. Когда остынешь и начнёшь мыслить здраво, мы можем ещё раз всё спокойно обсудить. Хочешь жить здесь — живи. Я не стану приводить сюда женщин. Не хочешь видеть меня — значит, буду навещать тебя в поместье. Моё отношение к тебе не изменилось, поверь.

Он погладил мои руки большими пальцами. Я попыталась их убрать, но он не отпустил.

— Я не... не смогу забыть то, что видела, и жить как раньше.

— Всё забывается, поверь мне. Я... поступил некрасиво, признаю.

Я невесело рассмеялась.

— Просто не должен был приводить любовницу домой, да? А остальное — мелочи?

Рэмон очень тяжело вздохнул. Как будто устал доказывать что-то душевнобольному.

— Не мелочи. Но и не настолько серьёзные вещи, как тебе сейчас кажется. Я... люблю тебя, Сэлма. Тебя, а не какую-то другую женщину. И всегда буду с тобой. Даже если боги не одарят нас потомством, я останусь с тобой. Другие женщины — лишь эпизоды, а жена — на всю жизнь. Вот и всё.

Виски прострелила тупая боль. Нет, я не могу это принять.

— То есть я тоже могу тебе изменить? — Я приподняла брови. — И это тоже не будет считаться, ведь муж-то у меня один-единственный.

Рэмон вдруг запрокинул голову и рассмеялся. Ему, кажется, и правда весело.

— Сэлма, дурочка ты моя. Ну что за глупости приходят в твою очаровательную головку? Это же совсем разные вещи. Женщина не должна пятнать себя, её помыслы должны быть чистыми. И я не сомневаюсь в твоей добродетели.

— Но если рассуждать, как ты, выходит, я точно так же могу сбрасывать напряжение. Ведь я тоже живой человек.

Он помрачнел, выпустил мои руки и встал.

— Я очень надеюсь, что ты сейчас просто злишься. Но если узнаю, что ты и в самом деле мне изменяешь... поверь, тебе лучше даже не представлять, что я сделаю и с тобой, и с твоим любовником. Ты — моя и только моя, запомни это. И чтобы я больше не слышал подобных глупостей. Пошутили — и хватит.

Он снова развернулся и направился к двери.

— Значит, тебе можно, а мне нет?

— Именно так. И это касается вообще всех благородных женщин.

Я зло рассмеялась.

— Ну надо же, как удобно! Мужчинам прощается всё, потому что им можно себя пятнать, да? А женщина должна сидеть молча и терпеть? И быть чистой и непорочной?

— Всё, хватит глупостей, — оборвал он. — Раз ты так стремишься уехать, я прикажу, чтобы твой багаж не вынимали из кареты, чтобы не делать лишнюю работу. Я пока решу кое-какие дела. Полагаю, в спальне тебя сегодня ждать не стоит?

Я вскинула подбородок.

— После той... женщины? Ты издеваешься?

— Слуги сменят бельё. — Он вдруг весело мне подмигнул. — И не думай обо всякой ерунде. Пора повзрослеть, Сэлма. И начать мыслить здраво, а не как юная наивная барышня из твоих любимых сопливых романов.

Рэмон резко распахнул дверь и вышел. Я зажмурилась, к горлу подкатил вязкий ком. Кажется, меня сейчас стошнит. «Слуги сменят бельё»! Ну надо же! И что он собрался улаживать? Проводит свою блондинку или довершит начатое? Глаза начало жечь, но слёзы, кажется, не хотят проливаться. Пока мы говорили, я будто оцепенела. Ничего не чувствовала. И сейчас, кажется, тоже ещё не чувствую. Мой маленький, хрупкий мирок только что разбился вдребезги. И разбил его тот, кто однажды собрал из осколков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.